

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

**Старшие богатыри русского былинного цикла: наследие системы
хтонических образов славянской мифологии.**

Скрыльников Павел Андреевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский
факультет, Коломна, Россия
E-mail: withwings@mail.ru*

К.С. Аксаков одним из первых указал на различия былинных богатырских типов, обозначив их, соответственно, как титанические и человекоподобные[2]. Ряд персонажей русского исторического эпоса (а именно Святогора, Микулу Селяниновича и Вольха Всеславьевича) он и последовавшие за ним исследователи называют старшими богатырями. «Они ещё очень походят на существа сверхъестественные: [...] силы этих богатырей до того чрезмерны, что становятся им самим в тягость»[4]. С этим он связывает и происхождение самого слова «Богатырь», считая его родственным словам «Бог» и «Богатство». Таким образом, богатырь, по мнению Миллера – это обильно наделённый силой воин-полубог. Исследователь также проводит параллель между сюжетом былины о встрече Ильи Муромца и Святогора с песней о путешествии Тора в Утгард, сравнивая Святогора с великаном Скрюмиром, а Илью Муромца – с Тором.

Старшие богатыри – наиболее загадочные образы славянской мифологии. Эпос умалчивает о происхождении Святогора и Микулы Селяниновича, сообщая только об их невероятной, чудовищной силе. Статья В.В. Иванова и В.Н. Топорова во втором томе энциклопедии «Мифы народов мира» сообщает о варианте былины, в котором присутствует слепой отец Святогора – цитаты, однако, авторы не приводят. Слепоту они называют признаком существ из иного мира[6]. В былине «Святогор и тяга земная», приведенной в сборнике В.П. Авенариуса, богатырь похваляется своей огромной силой. Однако, встретив в пути «добра молодца», оказавшегося Микулой Селяниновичем, Святогор оказывается не в состоянии поднять с земли даже его переметной сумки. Существует также вариант этой былины, в котором Святогор погибает, не в силах совладать с земной тягой, ношей Микулы – его приводит в работе «Русский богатырский эпос» Ф.И. Буслаев:

По колена Святогор в землю угрыз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор угрыз, тут и встать не мог.
Тут ему было и кончание.[2]

Иванов и Топоров, основываясь на нём, предполагают Землю и Святогора неразрывно связанными антагонистами: «С. не может осилить Землю, Земля не может носить С.»[6].

Святогор явно находится не на своем месте в богатырских былинах: его огромной силе нет применения на уже сотворенной, установившейся земле. Логичнее для него в контексте развертывания эпических событий смотрелось бы превращение в мироздание подобно Имиру или Пуруше, или пребывание в отдельной реальности подобно Утгарда-Локи и Сурту.

Принимая точку зрения Иванова и Топорова можно сделать вывод о том, что хтонический пахарь Микула Селянинович – это антропоморфизированное символическое воплощение земли: ведь именно он носит с собой земную тягу. Былина «Исцеление Ильи Муромца», очерчивая круг старших богатырей, подтверждает его связь с «матушкой сырой землей»: биться со Святогором, Микулой (которого «любит матушка сыра земля»[1]) и Вольгой Всеславьевичем не под силу даже такому могучему воину, как Илья.

С Микулой встречается и Волх Всеславьевич в былине «Вольга и Микула», и также остаётся поражен силой пахаря. Волх – единственный из старших богатырей, рожденный человеческой женщиной. Тем не менее, обстоятельства его зачатия говорят о родстве со сверхъестественными силами:

По саду, саду по зеленому
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камени скочила на лютого на змея –
Обвивается лютый змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.[3]

Родство со змеем может указывать на прямо противоположные вещи. Так, А.Н. Афанасьев в своей статье «Сказка и миф» склоняется к представлению змея в славянском фольклоре связанным так или иначе с богом-громовником Перуном – суровым, но благородным и благожелательным богом. С ним полемизирует А.А. Потебня в статье «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий»: «По-видимому, ошибаются те, которые, имея в виду название змея огненным, считают змея за одно лицо с благотворным, хотя и грозным божеством грома»[5]. Оборотничество Волха (или же Вольги) как свойство преимущественно недоброжелательных людям мифических существ, а также трикстерные черты его образа скорее свидетельствует о его родстве с темными, а не светлыми божествами. Фигура этого богатыря, таким образом, приобретает сходство с образом Локи – потомка великанов.

Анализируя образы старших богатырей русской эпической поэзии, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, их исследование выявляет некоторое контекстуальное сходство с персонажами других индоевропейских мифических систем. Во-вторых, принимая во внимание то, что славянская мифология до сих пор слабо реконструирована, мы можем, во всяком случае, предположить, что это сходство вызвано генетическим родством персонажей былин с представленными в ней образами.

Литература

1. Авенариус В.П. Книга былинъ. Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзиі. Москва, 1902
2. Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология; сост., вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. М. Высшая школа, 2003

3. Ковпик В., Калугина А. Былины. Исторические песни. Баллады. М.: Эксмо, 2008
4. Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности, с хрестоматиею, расположенною по эпохам. Санкт-Петербург, 1865
5. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре; сост, подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Лабиринт, 2000
6. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / глав. Ред. С.А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. – Т.2